

Глава 23. Порох в пороховницах?

После сытного обеда Чжэн Цзиань последовал за отцом в кабинет родового поместья.

Первым делом он в подробностях отчитался о том, как сдавал Осенние императорские экзамены. Затем, тщательно подбирая слова, Цзиань признался, что знаний ему пока недостаёт, и он намерен ещё несколько лет усердно грызть гранит науки, прежде чем снова попытать счастья на государственном поприще.

— Славный ты мой мальчик, натерпелся же ты! — Чжэн Доцинь ободряюще похлопал сына по плечу. — Не тревожься, учись спокойно. Как почувствуешь в себе силы — тогда и попробуешь снова. Я тебя не неволю, мы с матерью всегда тебя поддержим. А если в городке денег будет не хватать, только скажи.

Доцинь всю жизнь провёл в вечных соискателях и оставил попытки сдать экзамены только тогда, когда Цзиань впервые отправился на провинциальные испытания. Он как никто другой знал, каким тяжким грузом ложится подготовка на плечи книжника. Чего сам не желаешь, того и другим не делай — старик не собирался уподобляться какому-нибудь упёртому учителю, что забивает детям голову наукой до полного иступления.

— Да, отец, я знаю, — улыбнулся Цзиань. Ему повезло: его детство было куда счастливее, чем у большинства сверстников, именно потому, что отец никогда не гнал его в шею. — Вы за меня не переживайте. Я и с женой это обсудил, она мой замысел одобрила. А вот матушку вы уж сами как-нибудь подготовьте, ладно?

Отец с сыном проговорили в тишине кабинета больше часа. Наконец, улучив момент, Цзиань решил перейти к тому, ради чего, собственно, и затеял эту поездку.

— Отец, — он заговорщицки подмигнул и, подавшись вперёд, прошептал: — А «мужская сила» при вас ещё? Порох в пороховницах остался?

— Порох... какой ещё порох?! Ах ты ж негодник! — Доцинь не сразу сообразил, к чему клонит сын, но, заметив, куда тот смотрит, вспыхнул от негодования. — Опять ты за своё! Гляньте на него, физиономия точь-в-точь как тогда, когда ты мои картины в детстве изгадил! Аж сердце зашлось!

— Ну что вы, батюшка, не кипятитесь! — примирительно отозвался Цзиань. — Подумаешь, пририсовал пару цыплят к вашим сверчкам. Зато какая идиллия вышла: курочки клюют червячков, гармония!

— Гармония?! Да я в те рисунки душу вложил! — Доцинь припомнил свои былые страдания. — Всю жизнь ты мне их портил! То цыплят добавишь, то целую стаю воробьёв — и всё каких-то тварей, что норуют моих боевых «генералов» сожрать! То кошек рисовал, то собак, то рыб... Ты хоть понимаешь, сколько моих лучших работ пустил по ветру?

— Но ведь их никто не покупал! — вполголоса буркнул Цзиань. — А стоило мне руку приложить, как их тут же расхватывали.

Он прекрасно помнил те картины: сверчки у отца выходили как под копирку. Никаких тебе различий — ни в форме головы, ни в челюстях, ни в усах. Более того, рисовал он их мельче, чем они были на самом деле. Даже заказчики, стоявшие рядом, не могли признать в этих букашках своих любимцев. Кто же такое купит?

— Ты меня в могилу свести хочешь! — Доцинь, хоть и расслышал ворчание сына, лишь сильнее разошёлся.

— Всё-всё, отец, будет вам. Гнев здоровью вредит. Забудем старые обиды. Я ведь не просто так приехал, а с доброй вестью для вас!

Цзиань вовремя пресёк спор, чувствуя, что старик вот-вот сорвётся и пустит в ход кулаки.

— С доброй? — Доцинь посмотрел на сына с глубочайшим подозрением. Сколько он помнил Цзианя, тот только и умел, что доводить его до белого каления.

— Ну папа! За что вы так со мной? Я же как лучше хочу! Как только узнал, сразу к вам примчался. А вы... Эх, до чего же обидно!

Цзиань картинно надулся. Он ведь и в детстве «помогал» отцу продавать мазню только потому, что у того вечно в кошельке было пусто и на личные расходы не хватало. И за эту доброту он ещё и порку терпел!

— Ладно, ладно! Кончай канитель, — Доцинь, глядя на обиженное лицо сына, на миг смягчился. Может, и впрямь парень повзрослел? — Рассказывай, что за новости.

— Вот это другой разговор! — Цзиань снова понизил голос. — Отец, скажите честно... Вы с матушкой не хотели бы... ну... завести мне братишку или сестрёнку?

Доцинь замер. Он ожидал чего угодно, но только не этого.

— Ах ты, паршивец! — Старик схватил со стола свою трубку и замахнулся на сына. — Сам уже отец, а над стариком издеваешься! Вот я тебя сейчас проучу!

— Да стойте же! Я же серьёзно спрашиваю! — Цзиань увернулся от удара, прикрываясь руками. — Силы берегите, батюшка, они вам скоро понадобятся — матушке наследника делать!

После этой дерзкой выходки Доцинь окончательно рассвирепел и гонял сына по кабинету, пока оба не выдохлись. Наконец они затихли, переводя дух.

— Раз ты об этом заговорил, значит, есть повод? — Доцинь, немного остыв, понял, что Цзиань не стал бы так шутить в открытую. — Ты ведь знаешь: у нас в роду три поколения по одному сыну. Ни дочерей, ни вторых сыновей. Рассказывай толком, как мы с твоей матерью сможем это изменить?

— Слушайте, отец. Когда я возвращался из префектуры Цюаньчжоу, повстречался мне один странный старец...

Цзиань без зазрения совести переложил историю о явлении предков на «таинственного даоса». Он вдохновенно плёл небылицу о том, как книжник встретил святого мудреца и обрёл некое тайное знание.

— Да ты за кого меня принимаешь?! — Доцинь снова вспыхнул. — Эту сказку ты Вэнь-эру рассказывай, даже он не поверит! Говори правду, а не то снова за трубку возьмусь!

— Погодите, батюшка! Вы до конца дослушайте! — Цзиань замахал руками. — Я ведь как вернулся, сразу понял, что жена моя... И не просто понесла... А когда к её брату в гости зашёл, то и у невестки болезнь обнаружил...

Он опустил интимные подробности про дневные расчёты с женой и перешёл сразу к фактам. Цзиань многозначительно показал отцу два пальца, намекая на возможную двойню (хотя после благословения предков он был в этом уверен, но решил не пугать старика излишней категоричностью). Также он вскользь упомянул о «застое влаги» у жены Ху Ху, чтобы доказать: его дар — не пустые слова.

Доцинь слушал, разинув рот. Сначала он обрадовался беременности невестки, но, увидев два пальца, едва не лишился чувств.

— Двойня? Неужто вправду двойня?! — Он невольно пропустил слово «возможно» мимо ушей. — Видать, не прогадала мать, когда тебя на этой девице женила!

Новость о болезни невестки из рода Чжу тоже его зацепила — Ху Ху был славным малым, и Доцинь искренне желал его семье здорового наследника. Наконец старик поверил: его сын и впрямь обрёл некое прозрение.

— Значит, и матушку твою... Ты уже посчитал? — Доцинь задрожал. — Мы... мы и вправду сможем?

Целых двадцать лет они с женой мечтали о втором ребёнке. Сначала надеялись, потом отчаялись, и только после рождения внука окончательно похоронили эту мечту.

— Конечно! — Цзиань твёрдо посмотрел отцу в глаза. — Если не верите мне, поверьте небесному дару!

Даже если два раза не выйдет, у него в запасе десятки попыток — не может быть, чтобы ни разу не сработало! Главное, чтобы сам батюшка не подкачал. Хотя, раз уж он умудрился произвести на свет такого молодца, как Цзиань, значит, не всё потеряно.

— Так что, отец, — Цзиань не унимался, — «мужская сила» при вас?

— Да я тебя... Кхм... — Доцинь уже замахнулся, но вовремя осёкся, поняв, что вопрос-то на самом деле дельный. — При мне, при мне! Что за вопросы дурацкие...

— Ну, раз при вас, значит, будет у меня братишка, — довольно проворчал сын.

— Ладно, будет тебе! Не зубоскаль, — Чжэн-старший постарался унять дрожь в руках. — Говори толком, когда там... ну, заветный день?

— Шестнадцатого числа сего месяца, — Цзиань тут же посерьёзnel, передавая волю предков.
— С часа Петуха до часа Тигра.

Доцинь повторил время несколько раз, боясь ошибиться, а потом и вовсе вскочил, чтобы зафиксировать всё на бумаге.

— Запомнили? И вот ещё что: мало знать время, нужно, чтобы и матушка была в добром здравии. Так что вы уж позаботьтесь...

Цзиань подробно изложил отцу наставления по питанию и напомнил, что обоим супругам нужно заранее набраться сил.

— В этом году, — добавил он с тенью беспокойства, — матушке выпадают только два шанса. Если упустим — придётся ждать следующего года, а то и дольше! Так что, отец, постарайтесь уж. Я жду пополнения в семействе.

— Проваливай уже! — Доцинь со смехом (и на всякий случай швырнув вдогонку трубку) выставил сына за дверь. — Уж в чём, а в этом твой старик фору тебе даст!